

Во-вторых, учитывая сложные этнические процессы, происходившие на территории Северной Германии, в результате которых переплелись разные культуры — славянская и германская, наслоение германских и славяно-полабских языческих образов и верований, справедливо предположить обусловленность этой региональной особенности синкретизмом культуры древних германцев и славян в процессе их долгого взаимодействия. Об этом свидетельствует информация из Ябельхайде, Ганноверского Вендланда, районов наиболее длительного компактного проживания потомков полабских славян, а также от сорбов Нижней Лужицы. Кроме того, информация из Ябельхайде восполнила существовавшую лакуну в сведениях по рождественской обрядности Мекленбурга.

В-третьих, в своем труде «Древняя Русь и Великая Степь» Л.Н. Гумилев высказал мысль, что некоторые элементы народной культуры не могут быть проповедованы этносу, живущему в ином ландшафтном регионе, и усваиваются лишь переселенцами от аборигенов как любые навыки адаптации в новом ландшафте, например, демонологические концепции, не имеющие ничего общего с теологией или философией [Гумилев, 1989: 361]. Рассуждая о месте этнокультурных традиций в исторической памяти этноса, А.С. Мыльников пришел к выводу, что в трансляции культурных традиций важную роль играет территориальный фактор: «В сохранение и обогащение этнокультурной традиции вносили вклад не только ее носители, занимавшие в определенные периоды определенную территорию, но и те этнические общности, которые проживали на ней в предшествующее время» [Мыльников, 1995: 122]. Иными словами, многократные пересечения и изменения этнических территорий германцев и славян позволяют предположить действие фактора традиции территории в случае с фигурой рождественского ряжения.

Календарная обрядность: субъективное восприятие традиции

Если до сих пор внимание уделялось тем элементам традиции, об этнической принадлежности которых возможно судить объективно, то в данном разделе речь пойдет о субъективном восприятии традиции ее носителями. Нас будет интересовать не столько реальная этническая принадлежность элементов обычаев и обрядов, установить которую в настоящее время не представляется возможным, сколько представления носителей традиции об этнической принадлежности ее элементов, т.е. область этнической имагологии.

В этом плане особый интерес представляет один рождественский обычай и его восприятие носителями традиции. В северо-немецких деревнях, входящих в область исследования, до 1950-х гг. был распространен обычай, получивший название «Julklapp». Суть его заключается в том, что накануне Рождества даритель, пожелавший остаться неизвестным, неожиданно забрасывает сверток с подарком в открытое окно или дверь с возгласом «Julklapp!» и затем старается быстро исчезнуть незамеченным. Подарок обычно многократно заворачивают в сено или бумажные пакеты, на каждом из которых пишут различные имена, и лишь последнее имя означает того, кому предназначен сюрприз. Таким образом, сверток передают к каждому последующему адресату, пока он не достигнет последнего из них. Содержимое пакета, по рассказам информантов из Ябельхайде, обычно представляло собой какую-либо мелочь: записку со стихами, конфеты, сувенир или мелкие деньги [Приложение 2, № 3, 6, 12, 13, 17]. Анонимность подарка давала возможность молодежи позабавиться над друзьями, и часто вместо ценной вещи внутри находили свиной хвост или живых мышей, крыс и птиц [Gawlik, 1998: 86]. Такой способ рождественского и новогоднего дарения использовался молодыми людьми, желавшими сделать подарок девушкам, а также родственниками, «которым хотелось поздравить детей, но было лень наряжаться Рождественским дедом» [Приложение 2, № 12]. В отличие от канонического рождественского поздравления детей «Julklapp» был популярен среди молодежи и взрослых, особенно в XIX в., о чем свидетельствуют приведенные Х. Гавликом записи дневников и воспоминаний очевидцев [Gawlik, 1998: 82–86]. Он был известен и в XX в., главным образом до 1940-х гг., и, очевидно, был утрачен после Второй мировой войны. Поэтому воспоминания пожилых информантов этнографической экспедиции 2000 г. были единичными и касались не всех деревень региона.

Относительно происхождения и этнической принадлежности явления «Julklapp» ученые и краеведы едины: обычай имеет скандинавские корни и был заимствован жителями Передней Померании у шведов [WdDV: 418; Gawlik, 1998: 79–84; Arndt, 1818: 356]. Сведения о нем в Скандинавии относятся к XVII в. и касаются в основном благородных семейств и так называемых высших слоев общества [Gawlik, 1998: 79]. Известный поэт, общественный деятель и краевед Эрнст Моритц Арндт подробно описал рождественский обычай «Julklapp», который ему довелось наблюдать во время путешествия по Швеции в 1804 г.: «“Julklapp” или “Julklappar” называются подарки и шутки, которые посылают друг другу. Это, в самом деле, любимое занятие

здесь. <...> Неожиданно должен появиться “Julklapp”, а его отправитель остаться неизвестным, внезапно и молниеносно появляясь и исчезая, словно некий бог. Поэтому многие пользуются хитрыми уловками слуг или сговариваются с соседями о том, куда нужно доставить пакет, или же быстро бросают его в открытую дверь и затем как можно скорее скрываются. Подарок называется “Julklapp”, потому что при этом обычно громко стучат и хлопают дверьми» [Arndt, 1818: 355–357]. В это время рождественский обычай поздравления «Julklapp» был известен и на родине писателя — о. Рюген: «Но сколь долгими были приготовления! За несколько месяцев до праздника заказывали подарки для “Julklapp”, ломали голову, чтобы выдумать что-то красивое, оригинальное, неслыханное и невиданное. Ибо необычное, непривычное и авантюрное всегда есть самое лучшее <...> И все же люди старались превзойти друг друга в шутках, проказах и сумасбродных фантазиях, как можно больше затруднить поиск подарка, который часто был так невероятно упакован и так запрятан, что бывало по полчаса разматываешь, разрезаешь, разворачиваешь и ищешь, а потом снова копаешься в отброшенной бумаге и снова ищешь, пока не дойдешь до подарка» [Arndt, 1818: 357]. Показательно мнение Арндта о происхождении обычая: «И у нас, на моей родине, известен этот “Julklapp” как “пересаженный, привитый” обычай, но урожденный дух его и блеск этого вечера совершенно отсутствуют. Можно легко почувствовать и заметить, что он не рожден у нас; он никогда не станет таким же веселым и безудержным, каков он есть в действительности на том берегу Балтики» [Arndt, 1818: 356]. Действительно, этимология названия «Julklapp» указывает на скандинавское происхождение явления: во всех северогерманских языках термином *jul*, который восходит к словоформе **jehwla* ‘время снежных бурь’, обобщенно обозначается праздник Рождества и время зимнего солнцестояния [WdDV, 1996: 418]. В современных скандинавских и финском языках слово с этим корнем имеет значение ‘Рождество’: фин. *Joulu* [ФРС, 1993: 46], шведск. *jul* [ШРС, 1962: 383]; датск. *jul* [ДРС, 1960: 322], исландск. *jól* [ИРС, 1962: 345], норвежск. *jul* [НРС, 1963: 407]. В рождественской обрядности скандинавских народов до середины XIX в. «Julklapp», или «Julegave», — подбрасываемый в Сочельник пакет с подарками и надписью или шуточный предмет в виде подарка — был единственным известным способом рождественской раздачи подарков [Морозова, 1973: 109].

Известно, что почти 200 лет, с 1648 по 1815 гг., Передняя Померания находилась под властью «шведской короны». Продолжительные контакты городов северно-немецкого побережья

со Швецией, подкрепленные морскими торговыми связями, могли оказать влияние на культурное взаимодействие этих регионов. Однако Хенри Гавлик считает, что данный факт не может служить доказательством заимствования рождественского обычая «Julklapp» жителями Померании и Мекленбурга во время шведской оккупации, поскольку данные относятся к XIX в. и не обнаруживаются ранее этого времени [Gawlik, 1998: 79]. Распространение обычая локализуется в Германии землями немецкой Померании (о. Рюген, округ Деммин, Анклам и Юккермюнде, а также о. Узедом), Восточного и частично Западного Мекленбурга, не простираясь далее на Запад. В Восточной Померании (округа Штеттин, Кёзлин, Штольп и Лауэнбург — территория современной Польши) обычай распространялся семьями переселенцев из Передней Померании [Kaiser, 1936: 62]. В Ганноверском Вендланде отсутствуют свидетельства о распространении обычая «Julklapp». Существование обычая исключительно в пределах Передней Померании и Мекленбурге могло быть обусловлено шведско-немецкими взаимовлияниями, хотя межэтнические контакты периода шведской оккупации на данной территории не были длительными.

Данные экспедиции представляют совершенно иную картину восприятия обычая «Julklapp» информантами. 70-летний житель деревни Гребс (Ябельхайде) рассказывает: «Да, но вот еще совершенно точно “Julklapp” славянского происхождения. Да, должно быть, “Jul”... Это во время Рождества, перед Рождеством... молодые люди или девушки упаковывали такой сверток и клали внутрь какую-нибудь мелочь, так, шоколад или что-то совсем маленькое, затем оборачивали большим количеством бумаги, потом снова, так, что получался такой пакет. <...> Так вот “Jul” должен быть как-то связан со славянами. Это еще мы делали. Перед Рождеством. Да, что-то подобное было в славянском, что-то с “Jul”. Я, мы всегда говорили, что это славянский обычай. И здесь мы тоже это делали. Точно до 50-х гг. Но тогда я был еще не здесь, тогда я был за пятьдесят километров отсюда, там, откуда я родом. Но там мы еще так делали» [Приложение 2, № 13]. Предполагать ошибку, которую могло вызвать созвучие skandinavisch — slawisch у малограмотного крестьянина, неправомерно, поскольку информант, сообщивший о «славянском обычае», — бывший школьный учитель и краевед, который неоднократно участвовал в археологических раскопках славянских городищ в окрестностях д. Гребс. Конечно, к сведениям и фактам, полученным от информантов, нужно подходить критически, поскольку свидетельство очевидца не всегда является объективным отражением события. Всегда существует опасность, что

респондент даст ложную информацию. Подобное поведение, по мнению Ундины Штивих, обусловлено психологией крестьянина и его отношением к ученому как «чужаку». Стараюсь оказаться важным и полезным ученым, ищущим славянские рудименты в обычаях и обрядах, информант расскажет ученым-этнографам то, что они хотят услышать. Такая сложность возникла у Йоахима Швеве в процессе исследования крестьянского населения Венд-ланда [Иванова Ю.В. Архив. Л. 145].

Еще один аспект также нельзя обойти вниманием. Своеобразие духовной атмосферы региона Ябельхайде заключается в картине исторической ретроспективы, которую создает для себя его житель. Как было отмечено, коренные жители Ябельхайде так же, как и переселенцы (в основном из Восточной Пруссии), осознают славянское прошлое территории, ими заселяемой. Более того, в сознании более осведомленного крестьянина Юго-Западного Мекленбурга время, которое не способна охватить его память, обозначается понятием «Wendenzeit» — ‘время, эпоха вендов’ [Иванова Ю.В. Архив. Л. 65]. Известно, что отдаленность во времени и пространстве объекта информации от субъекта ее хранения порождает вероятность возникновения имагологического эффекта [Мыльников, 1999: 342]. Недостаточно глубокое знание истории обычая, с одной стороны, и осознание факта славянского прошлого территории, с другой, закономерно приводят к фольклоризации и домысливанию реальной ситуации. По сути, перед нами контаминация разных сведений, относящихся к реальности прошлого: осознание того, что обычай «Julklapp» был заимствован «в давние времена» у иного народа (скандинавов), наложилось в сознании носителей обычая на факт иноэтничного (славянского) прошлого территории, на которой обычай был распространен. В результате в представлениях современного северогерманского жителя данное культурное явление оценивается как славянское.

Другая проблема — представления об этнической принадлежности некоторых элементов обрядов весеннего цикла, в частности древнего праздника начала весны Первого мая и Пятидесятницы (Троицы) — Pfingsten. Обряд празднования дня Первого мая в северонемецких деревнях описывается приблизительно одинаково: молодые люди срубают в лесу дерево — большую березу, высота которой достигает 10–12 м; в некоторых деревнях это действие было принято сопровождать нижненемецкими песнями или стихами [Иванова Ю.В. Архив. Л. 80]. Затем березу приносят в деревню, вкапывают (или сажают) в центре площади, где обычно проводятся гуляния. Дерево называют Майским (Maibaum). Если дерево недостаточно взрослое и нижние ветви присутству-

ют, их обрубают. В обрядах XX в. даже в деревнях Мекленбурга с круговым планом местом установки Майского дерева служила не площадь в центре деревни, а спортивная площадка или открытое место на окраине деревни, как, например, в Лоозене, Лаупине, Воосмере [Приложение 2, № 22, 26, 29, 54]. В тех деревнях Ганноверского Вендланла, где обычай установки Майского дерева продолжает существовать, его по-прежнему устанавливают в центре рундлинга [Приложение 2, № 20]. Майское дерево обычно одно на всю деревню. Обычай устанавливать маленькие майские деревца у отдельных домов (молодой девушки или возлюбленной) в XX в. в Ябельхайде и Вендланде уже не встречается, и информанты его не упоминали. Более того, в Вендланде по причине малочисленности населения деревень и задействованной в празднике молодежи одно Майское дерево устанавливают для нескольких (от 2 до 4) деревень. Березу украшают цветными лентами и бумажными бантами; дети и молодежь танцуют вокруг Майского дерева и поют песни. Этот праздник символизирует начало весны. Иногда Майское дерево стоит 3–4 недели и остается до Троицы на том же месте [Приложение 2, № 22, 26, 29, 41, 51, 54]. В некоторых деревнях, например Лоозене или Воосмере, специально были посажены березы, которые использовались в качестве Майского дерева, таким образом, не было необходимости устанавливать Майское дерево ежегодно [Приложение 2, № 54].

Следующим календарным праздником, отмечаемым в немецкой деревне, была Пятидесятница (Троица). Майский праздник начала весны и Троица — два взаимосвязанных праздника, маркирующих начало весны и лета, с этими датами связано много сходных весенних обычаев. Празднование Троицы сходно с описанным обрядом празднования 1 мая: на деревенской площади, где стояло Майское дерево, за несколько дней до праздника сооружали беседку «Pfungstlaube». Строение округлой формы выполнялось из вертикально стоящих и скрепленных между собою жердей, которые затем оплетали свежими березовыми ветвями. Крыши у беседки не было. Внутри устанавливали стол, скамьи или стулья — по кругу. В беседке сидели молодежь и старшее поколение, приглашался оркестр, на площадке проводились танцы [Приложение 2, № 21, 23, 24, 27, 28, 30, 52]. В деревнях Вендландла до недавнего времени вместо беседки столы и скамьи устанавливали в телегах, украшенных березовой зеленью. Жители деревень и оркестр совершали выезд в телегах по окрестностям [Приложение 2, № 21]. Из распространенных в этот день игр всеми отмечался обряд выпрашивания сырых куриных яиц, которые хозяйки обычно давали в качестве дани колядующим под

пение или соответствующие стишки, присказки [Приложение 2, № 24, 25, 27, 28, 30, 45]. Двери и внутренние помещения жилых домов также украшали свежей березовой зеленью [Приложение 2, № 23, 31, 43, 45, 52]. С Троицей были связаны различные игры и соревнования среди детей и молодежи. Так, в деревнях Ябельхайде в этот день каждый старался не опоздать на сходку, первым прийти в беседку, первым встать. В деревнях Вендланда строго следили за тем, кто последний выставит свой бидон с молоком на придорожный прилавок. Того, кто оказывался последним, высмеивали: герой получал шутливое прозвище *Pfingsochse*, *Pingstkalf*, *Pingstekarr*, *Pingstekaa* («Троицын осел», «Троицын теленок»). На голову опоздавшего надевали венок (или корону) из березовых веток или полевых цветов и брызгали его водой. Венок нельзя было снимать до вечера праздничного дня. Опоздавший должен был угощать всех жителей деревни пивом или шнапсом или платить за угощение [Приложение 2, № 25, 27; *Stiwich*, *Dьker*, 1999: 46]. Эти детские и молодежные игры исторически связаны с состязаниями пастухов: Троица в немецкой деревне традиционно служила днем первого выгона скота, считаясь праздником пастухов. Именно в этот день в дореформенных деревнях Северной Германии были распространены обычаи состязаний пастухов, старавшихся первыми пригнать свои стада на пастбища; скачки и состязания на быстроту и ловкость; колядования с последующей совместной трапезой из собранных даров: яиц, колбас, хлеба и бренди. Трапезу устраивали в беседке из березовой зелени, которую строили на пастбище [*Bartsch*, 1880, II: 271–275].

Давно установлено, что практически все элементы весенних обрядов являются сходными или общими для всех европейских народов и своими корнями восходят к древним языческим верованиям. Обычаи весеннего цикла, связанные с растительностью, — установка Майского дерева и украшение построек и жилища срезанными ветвями и свежей зеленью — известны не только у немцев. Эти элементы встречаются в весенней обрядности народов Франции, Швейцарии, Пиренейского полуострова, Бельгии и Нидерландов, Британских островов, славян и скандинавов [Покровская, 1977: 44; Серов, 1977: 64; Решина, 1977: 81; Гроздова, 1977: 105; Морозова, 1977: 120; Листова, 1977: 172; Дёмётёр, 1977: 198; Ганцкая, 1977: 215; Грацианская, 1977: 233]. Представитель мифологической школы В. Маннхардт и эволюционист Дж. Фрэзер видели в этих европейских обычаях рудименты некогда повсеместно распространенного культа духов деревьев: «деревья или духи деревьев дают дождь и солнечный свет»; «считаются ответственным за урожай; делают плодови-

тым скот и наделяют потомством женщин, даруют женщинам легкие роды». Обычай установки Майского дерева в деревне направлен на привлечение к каждой деревне «благодеяния, находящегося во власти духа дерева» [Фрэзер, 1984: 118–121]. В.Я. Пропп видел в обрядах, связанных с растительностью, приемы аграрной магии — стремление придать земле весной, перед началом полевых работ, плодоносную силу дерева [Пропп, 1963: 60; Токарев, Филимонова, 1983: 156].

Определение этнической принадлежности этих обрядов не представляется необходимым. Более актуальным для настоящего исследования является выявление черт регионального своеобразия весенней обрядности Северной Германии. Для этого необходимо сравнить данные интервью, полученных от крестьян Юго-Западного Мекленбурга и Вендланда, с данными по немецким и соседним землям.

Традиционно в горах верхнего Гарца перед днем празднования Первого мая на открытых местах устанавливали высокие ели с ободранной снизу корой, украшенные цветами. Крестьяне Швабии на 1 мая вносили, устанавливали и украшали лентами высокую ель. В Верхней Баварии Майским деревом в XIX в. была ель, украшенная венками, флагами и надписями [Фрэзер, 1984: 123–124]. В городах и деревнях современной Баварии Майские деревья — деревянные шесты с профессиональными знаками и различными фигурками — являются местной достопримечательностью. Такие же мачты можно встретить и на центральных площадях крупных городов Вестфалии.

В Саксонии за несколько дней до 1 мая жители выбирали дерево, очищали его от коры и нижних ветвей, приносили из леса и устанавливали в деревне. Причем следует отметить региональные отличия: в Эрцгебирге Майским деревом мог быть шест, обвитый гирляндами из свежей еловой зелени; сверху шеста обычно прикрепляли венок из еловых веток с разноцветными лентами. В Лаузитце Майским деревом была береза, которую тоже украшали лентами. При этом в последнее время декор на Майских деревьях Лаузитца все больше становится похожим на верхнебаварский — это фигуры, профессиональные знаки и гербы ремесленных цехов [Kania-Schütz, Hennersdorf, 1999: 163–164]. Правда, другие данные по лужицким сербам свидетельствуют, что в 1950-е гг. в качестве Майского дерева на центральной площади деревни обычно устанавливали сосну, ель или пихту — ни о баварских шестах, ни о березе упоминаний нет [Schneeweis, 1953: 136–138]. У чехов и словаков перед 1 мая ставят несколько Майских деревьев, самое высокое из которых устанавливают на площади. Обычно это высокая пихта или ель с оставленной кроной,

очищенная от коры и украшенная лентами, калачами и венками [Грацианская, 1977: 233]. Следовательно, для Мекленбурга и Ганноверского Вендланда выбор березы в качестве Майского дерева — региональная особенность.

Однако описанный обычай нельзя рассматривать как результат славянополабского влияния в праздничной культуре региона. Речь идет о том, что рассказы информантов, средний возраст которых в 2000 г. составлял 80 лет (от 75 до 88 лет), относились ко временам их юности. Следовательно, это были 30-е гг. XX в. — время господства в Германии национал-социалистических идей, которые проповедовали чистоту немецкой нации и противопоставляли ее другим европейским и неевропейским нациям. Для подтверждения принадлежности немцев как единой нации к великому германскому прошлому, а также для внедрения в массы национал-социалистической идеологии, было необходимо обратиться к народной культуре. Это демонстрировалось на примере хорошо организованных народных праздников. В 1931 г. нижне-немецким обществом «Unkel Broesig» был провозглашен план спасения народных традиций, который, по существу, заключался в подчеркивании культурного единства немецкой нации и укреплении патриотических чувств немца. Праздничные обряды были восстановлены по источникам и унифицированы, национальные костюмы участников сшиты заново по старым образцам из музеев [Мьнс, 1989: 364]. При этом за образец была взята Южная Германия (по понятным причинам), в частности Бавария, живучесть традиций в которой, например традиции Майских деревьев, продолжает удивлять и сегодня.

Поэтому неудивительно, что обычай установки Майского дерева жителями северонемецких деревень оценивается как «неместный», «введенный недавно», «пришедший из Южной Германии». Лишь недавно украшенное Майское дерево стали устанавливать на центральных площадях северно-немецких городов: в г. Людвигслуст, административном центре региона, вошедшего в область исследования, Майское дерево ставят перед ратушей. Эта традиция считается новой [HN, 2000]. На специальный вопрос, помнят ли информанты о подобных праздниках в более раннее время, в детстве, или слышали ли о них из рассказов родителей, стариков, люди отвечали отрицательно: «Не могу сказать. Тогда ведь было время Гитлера, знаете. До Гитлера, это я не знаю, можно сказать, уже при Гитлере начали украшать Майское дерево. Все должны были так делать. Это было ужасно. Если ты не делал, как все, тебя заносили в список» [Аудиотека МАЭ РАН, № А-2-18]. В фашистской Германии проводилась идея культурного единства, что выражалось в контролировании

праздничной обрядности властями. Национал-социалистическая организация «Ahnenerbe» («Наследие предков») следила за тем, чтобы праздничная обрядность строго соответствовала германским, «нордическим» традициям [Мьлс, 1989: 364]. Следовательно, в данных экспедиции мы имеем дело с информацией об искусственно восстановленных традициях, некогда естественным образом угасших, что нельзя считать достоверной информацией, на основании которой можно делать заключение относительно этнической принадлежности элементов обряда. Более того, этнодифференцирующая функция культуры, благодаря которой отличались друг от друга многочисленные этнические общности или их этнографические группы, составившие немецкую нацию, искусственно игнорировалась. Другими словами, теперь задача национального костюма и элементов праздничной обрядности состояла не в том, чтобы различить представителей разных земель, но объединить всех немцев.

В то же время среди вендов области Дравен (современный Ганноверский Вендланд) долгое время продолжала существовать собственная традиция установки ритуальных деревьев. Сообщения о них впервые появились в 1671–1672 гг. в знаменитом отчете оберсуперинтенданта герцогства Целле Йоахима Хильдебранта, затем многократно дополненном и цитированном другими авторами, в том числе Кайслером и Тетцнером. Приведу полный перевод текста исходного сообщения 1671 г. из так называемой «Копенгагенской рукописи»*: «Во всем Дравене очень высоко почитают два дерева, но самое важное из них — Крестовое дерево (Creutz-Baum). Если это Крестовое дерево падает, нельзя его поднимать и снова ставить до Успения [Девы Марии], потому что говорят, будто “Штете” этого не терпит. Некоторые говорят, будто “Штете” — это мужчина, а другие утверждают, что женщина. Пастор из Бюлитца думает, что венды в нем почитают некоего

* «Копенгагенская рукопись», предположительно, старейшее из описаний обычаев и языка люнебургских вендов, была обнаружена в 1897 г. в Копенгагене учителем грайфсвальдской гимназии А. Фитом. Она происходит из собрания коллекционера рукописей и соучредителя патриотического общества Мих. Рихея (Mich. Richey) (1678–1761). Рукопись датирована 1671 г. и называется «Wendischer Aberglaube, angemercket bey der General Kirchen-Visitation des Fürstenthums Dannenberg im Monath August Anno 1671». Этим же годом, как известно, датирован отчет Хильдебрандта. Рукопись содержит три части: отчет о визитации (сообщение о поверьях, праздниках и обычаях), дополнения, вендский вокабулярий. При этом первая и третья части составлены одним автором и датированы 1671 г., а вторая — дополнения — возникла позднее, вероятно после 1762 г., дополнения в ней заканчиваются 1710 г.

гения, который пребывает в Крестовом дереве, и никто из вендов не вправе ходить через то место.

Однажды случилось в Ребенсторфе, деревенский бык шел с выгона и потерял боком о Крестовое дерево <...> Дерево упало и зашибло несчастного быка насмерть. Суеверные крестьяне приняли это за знак большого несчастья. Чтобы умилостивить разгневанного “Штете”, каждый год в тот день, когда убит был бык, весь скот, большой и малый, прогоняют вокруг дерева. И когда ставят новое Крестовое дерево, благословляют скот следующим образом: сперва староста деревни должен надеть свои воскресные одежды и повязать вокруг пояса широкое белое полотенце. Потом все напиваются до беспамятства и танцуют вокруг дерева, и прыгают, и староста должен со своим белым полотенцем танцевать перед ними. Затем он берет в руку факел, кружку пива и обходит с этим скот, который собран меж тем в стадо, окропляет стадо пивом и благословляет вендскими словами.

В Бюлитце, как и во всем Дравене, окропляют дома, стойла, кухни, подвалы, каморы и комнаты пивом или шнапсом в тот день, когда устанавливают Крестовое дерево. Говорят, что “Штете” так хочет, иначе на скот наведут порчу.

В приходе Предёле (Predchle) скот гоняют вокруг дерева и говорят, что тогда он хорошо плодится и не болеет; еще повсюду здесь принято ходить вокруг Крестового дерева с зажженной свечой и произносить какие-то слова по-вендски. А еще ежедневно должен древний старик стать на колени перед этим деревом и прочитать свою молитву.

Это дерево высотой около 20 локтей (аршинов), и наверху укреплен деревянный крест, а поверх креста железный петух. Утверждают, будто это дерево решил ставить Карл Великий, будто хотел этим запечатлеть непостоянство вендов. И те, которые имели такое дерево в своей деревне, были истинными христианами, а Крестовое дерево было знаком того, жили в этой деревне христиане или венды. Крест защищал своей сенью тех, кто был во Христе и под его крестом, а петух был символом легкомыслия вендов, которые то принимали веру, то отрекались от нее, словно петух-флюгер на кресте, что поворачивается по ветру. Некоторые из них, что уже не очень хорошо понимали по-вендски, говорили, что крест означает распятого Христа, а петух — отречение Петра.

Когда же приближается день Успения Девы Марии, выбирают в лесу другое Крестовое дерево, и в этот день в лес идет группа мужчин, при этом хозяева дворов отправляются отдельно; они подходят к дереву, и каждый должен нанести удар своим топором, пока дерево не упадет. Затем его кладут на повозку, покрывают полностью верхними одеяниями так, что ничего от дерева

не видно, и так с радостными возгласами едут к тому месту, где стояло предыдущее Крестовое дерево. Тут подходит старый плотник из вендов, отесывает дерево с четырех сторон, совершая при этом особый обряд; в брус вбивают колышки, подобно лестнице. Когда же все готово, дерево воздвигают с громким ликованием, потом деревенский староста поднимается и укрепляет петуха на вершине креста и освещает его кружкой пива. И после этого распивают все десять или двенадцать бочек пива — по возможностям деревни. Они утверждают, будто там, где не соблюдают такой обычай, не будет здоровым скот. И таково Крестовое дерево» [Vieth, 1900: 113–114].

Приведем еще одно, более интересное, описание обычая, данное вендландским старостой Йоханном Парумом Шульце в 1729 г.: «Когда я еще мальчишкой был, стояли во всех деревнях высокие деревья, поставлены прямо, а сверху поперечина пририта, наподобие креста, а поверх него железный стержень с флюгером-петухом, снизу с обеих сторон длинными деревянными гвоздями прибитый, чтобы можно было подниматься по дереву к петуху. Значит ли это, что те, кто устанавливает такое дерево, что они приняли христианское учение; петух же на дереве — что верят они в то, что сказал Христос Петру о петушином крике*; а крест или эта перекладина — то, что верят они в распятого господа Иисуса Христа? В Ябеле [одна из круглых деревень Вендланда. — Ю. И. Б.] стояло еще такое крестовидное дерево в наши дни, в лето 1724, а в других местах через 20 лет я уже ни одного не видел. Когда дерево ввозили в деревню, женщины встречали его и полностью покрывали дерево одеждами, так что его было совсем не видно. Это видела моя мать, когда еще девочкой была, и тогда было такое ликование и такой великий праздник, и так много выпивали и танцевали, и так несколько дней праздновали в Кармитце» [Die Wendlandchronik, 1991: 73–74].

Другое ритуальное дерево — «Короновидное» (Kronenbaum, Krohnenbaum) — в вендских деревнях устанавливали к Иванову дню. Оно считалось женским, поскольку в обрядности этого дня участвовали женщины. «И нет ни одной, пусть даже хромой, на костылях, чтобы не вышла вместе с другими или, по крайней мере, не присутствовала на месте, где устанавливают дерево, — читаем в копенгагенской рукописи. — Сначала его выбирают в лесу, накануне Иванова дня, обрубают все ветки доверху, так, что оставшиеся напоминают корону. Когда же наступает Иванов день, женщины берут передок от повозки и впрягаются сами в него и

* Имеется в виду гл. 26 ст. 34 «Евангелия от Матфея»: «Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня».

так тащат дерево. И это надо видеть, как они, часто по самый живот в грязи, тащат это дерево из леса и не сходят с дороги даже тогда, когда уже по самые уши в грязи и воде утопают, а молодые крепкие девушки идут рядом со старухами и поют радостные песни на вендском языке, чтобы придать тем силы. Как только приходят они в деревню, то, издав радостный клич, тащат телегу туда, где стоит старое Короновидное дерево с прошлого года, срубают его, и затем это дерево покупает поденщик или безземельный крестьянин, старухам за это должно дать два шиллинга на шнапс; а [новое дерево] торжественно устанавливают, обвешивают венками и цветами и освящают двенадцатью бочками пива» [Vieth, 1900: 115].

Оба ритуальных дерева описывает Ф. Тецнер в своем сочинении «Полабские славяне», суммируя накопленную к рубежу XIX–XX вв. информацию. При этом он добавляет к исходной информации, что в роли Короновидного дерева обязательно выступала береза, тогда как Крестовидным деревом (Kreuzbaum) обычно был дуб [Tetzner, 1902: 384]. Из приведенных Тецнером вендских поверий становится ясен сакральный смысл этих деревьев. Девушка, отданная замуж в данную деревню, должна была танцевать вокруг Короновидного дерева и положить под него монету. Тот, кто от прикосновения к Короновидному дереву обрел здоровье, также должен был принести к нему монету. Вокруг Крестовидного дерева было принято ежегодно прогонять скот, что должно было обеспечить ему здоровье и плодovitость [Tetzner, 1902: 383–384]. Поверья дравенских вендов, связанные с Крестовидным деревом, упоминает и Джеймс Джордж Фрэйзер [Фрэйзер, 1984: 120]. Таким образом, Крестовидное и Короновидное деревья в календарной обрядности вендов области Дравен выполняли ту же функцию, что и Майское дерево в общеевропейской весенней обрядности, — придание плодородной силы и здоровья, оберег от болезней и мора.

В первой четверти XVIII в., по сообщениям Йоханна Георга Кайслера, Крестовидные и Короновидные деревья ставили все реже и не во всех деревнях Дравении, а в 1730-х гг. автор сообщения засвидетельствовал всего одно дерево в д. Кранце, около Люхова [Мыльников, 1999: 225]. Приведенное выше свидетельство Йоханна Парума Шульце также относится к первой четверти XVIII в.: «В лето 1726 стояло еще Крестовидное дерево в Ябеле. А в лето 1729 лежало это дерево в Ябеле в грязи на дороге. И верно тут говорят: то, что раньше почитали, попирают нынче грязными ногами» [Die Wendlandchronik, 1991: 74]. Во время и после Тридцатилетней войны гусары, квартировавшие в Вендланде, не обращая внимания на запреты и предостережения по-

жилых женщин, воровали монеты из подношений Крестовым деревьям, а нередко, спасаясь от грязи, последние из сохранившихся деревьев жители использовали как мостки [Lange, 1998: 165].

В настоящее время обычай установки ритуальных деревьев в Иванов день и день Успения Девы Марии в вендландских деревнях местное крестьянское население не помнит. Исключение составляют только краеведы и люди, интересующиеся вендландской историей и культурой; сведения об обычае содержатся лишь в литературе и хрониках. Правда, в центре площадей современных вендландских рундлингов (например, в Пюгене, Кюстене, Гранштедте) иногда можно встретить живое дерево — липу, дуб или каштан, которые, по мнению некоторых исследователей [Schulz, 1991: 32], были посажены в XVIII в. в тех деревнях, где до того сохранялись Крестовые деревья. Здесь можно говорить о появлении «заменителя» традиционных ритуальных деревьев Вендланда, значение которого сегодня утрачено (Илл. 15).

Вернемся к региональной особенности обрядности 1 Мая и Троицы. В Мекленбурге и Ганноверском Вендланде в качестве символа и атрибута праздника использовалась только береза, причем это всегда подчеркивалось информантами [Приложение 2, № 22, 26, 29, 41, 43, 45, 47, 51, 52, 54]. Более того, некоторые информанты из Вендланда, старавшиеся дать оценку местной обрядности, выбор березы в качестве Майского дерева и украшения на Троицу оценили как результат славянского влияния [Иванова Ю.В. Архив. Л. 145]. Это неслучайно. Более многочисленны сообщения о ритуальной роли березы у восточных славян [Токарев, Филимонова, 1983: 148]. Известно, что именно в восточно-славянской мифологии береза являлась священным деревом и почиталась как женский символ во время весеннего праздника Семика, обрядность которого сходна с европейской первомайской обрядностью [Мифы народов мира, 1991, 1: 169]. Однако, как ни соблазнительно основываться на этом свидетельстве носителя культурной традиции, следует учитывать степень достоверности информации и личность информанта. Обычно элементы культуры, которые являются опознавательными знаками этноса, не осознаются его представителями, и для их выявления необходимы специальные исследования. Женщина-информант, сообщившая о «славянском» обычае, — коренная жительница Вендланда, а значит, носитель традиции и краевед-любитель, а не специалист-этнограф.

Известно, что береза как одно из старейших деревьев Северной Европы, будучи воплощением весны и жизни, почиталась и у древних германцев [WdDV, 92]. Но в сознании современного

деревенского жителя Северной Германии символом германцев является дуб: среди современного поколения живы воспоминания об официальной праздничной обрядности 1930–1940-х гг., когда дерево, посвященное Донару, провозглашалось священным германским символом и повсюду во славу «великой германской нации» сажали дубовые рощи «Hitlereichen». В то же время дуб ни разу не был упомянут информантами в рассказах о праздничной обрядности Мекленбурга и Вендланда. Существует еще один интересный факт: дубы широко распространены в Мекленбурге, а в Ябельхайде — редки. В качестве своеобразной иллюстрации приведу слова мекленбургского поэта и патриота Адольфа Бранда (1851–1910), который писал в стихотворении, названном «Национальным гимном Гризе Гегенд»: «Dor wasst von Eiken kein Stöck // Blot Ellern un kröplige Dannen // Un Barken, de stahn in den Knick» («Там не растет ни один дуб, только ольха и ели, да березы, что стоят в зарослях») [цит. по: Borchert, 1993: 54].

С одной стороны, возникает имагологический эффект: в представлениях современного северонемецкого жителя на землях, в прошлом населенных славянами, береза в качестве элемента праздничной традиции связывается со славянскими корнями. С другой стороны, в последнее время в Ганноверском Вендланде наблюдается подъем регионального самосознания, который, прежде всего, выражается в подчеркивании региональной обособленности, исторической и этнической уникальности Вендланда. В первую очередь уникальность региона связывают с длительным сохранением славянского населения. Таким образом, ссылки на свое славянское прошлое и приведение исторических фактов в соответствие с ним стали в последнее время модными. Кроме того, вслед за Й. Швеве [Schwebe, 1960: 83] мы предполагаем возможность восприятия сравнительно нового обычая установки Майского дерева в вендландских деревнях как продолжения вендской традиции установки Короновидного и Крестовидного деревьев. Кстати, об этом говорили и некоторые информанты из Вендланда [Приложение 2, № 55]. В этом случае мы имеем дело с действием фактора традиции территории, когда новый обычай был безболезненно воспринят и «прижился» на почве сходной автохтонной обрядности.

Праздники в северонемецкой деревне. XX век

Вековой процесс парцелляции календарной обрядности, сужения ее социальной стороны, а также переход от общины к семье как субъекту праздничной обрядности естественны и обус-